

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧЪ УЛЬЯНОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

12-го января, послѣ непродолжительной болѣзни, на 55 году своей жизни и на 31 году службы, скончался въ Сибирскѣ хорошо извѣстный во всей Сибирской губерніи и въ учебномъ вѣдомствѣ Казанскаго учебнаго округа директоръ народныхъ училищъ Сибирской губерніи, Илья Николаевичъ Ульяновъ.

Будучи сыномъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей изъ города Астрахани, Илья Николаевичъ послѣдовательно прошелъ сначала курсъ мѣстной гимназіи, а потомъ выслушалъ полный курсъ математическаго факультета въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, при окончаніи въ немъ курса въ 1854 году, удостоенъ былъ степени кандидата. 7-го мая 1855 г. Илья Николаевичъ былъ назначенъ исправляющимъ должность старшаго учителя математики въ высшихъ классахъ Пензенскаго дворянскаго института, въ каковой должности и былъ утвержденъ 11 ноября того же года. Службу въ Пензѣ съ отличнымъ успѣхомъ Илья Николаевичъ продолжалъ до 22 іюня 1863 года, когда былъ перемѣщенъ на ту же учительскую должность въ Нижегородскую гимназію. Здѣсь Илья Николаевичъ одновременно съ службой при гимназіи болѣе году занималъ должности—воспитателя въ Нижегородскомъ

Александровскомъ дворянскомъ институтѣ, преподавателя физики въ Нижегородскомъ Маринскомъ женскомъ училищѣ 1 разряда и планиметріи въ землемѣрно-таксаторскихъ классахъ при гимназій.

Но болѣе широкое поприще для дѣятельности Ильи Николаевича открылось тогда, когда онъ былъ призванъ въ 1869 году на новое въ то время дѣло служенія народному образованію въ Симбирской губерніи. 11 ноября 1869 г. Илья Николаевичъ былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи, а потомъ, съ учрежденіемъ въ 1874 г. должности директора народныхъ училищъ, и директоромъ. Выборъ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Илья Николаевичъ обладалъ именно тѣми качествами, которыя должны были отличать человѣка, посвятившаго себя этому, тогда еще новому, роду служенія Государству и обществу. Съ самаго начала службы онъ горячо полюбилъ народную школу и не охлаждѣвалъ къ ней до гроба. Не даромъ поэтому нѣкоторые старожилы даже изъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ окраинъ Симбирской губерніи, видя проявленіе его теплой, родительской заботливости о школахъ, называли его „чаеи постоянно нѣстующей свое любимое дѣтище.“ Но одной любви мало. Дѣло созиданія народного образованія требовало отъ инспектора и дѣятельности энергичной. Дѣятельность же Ильи Николаевича была по истинѣ неутомима и чрезвычайно разнообразна: ему приходилось не только вводить извѣстные порядки въ школахъ уже существующихъ, обезпеченныхъ средствами и опытыми преподавательскими силами, но и открывать самыя школы, изыскивать средства для ихъ существованія и организовывать весь строй и систему учебной ихъ части. Обладая и самъ свѣтлымъ умомъ и педагогическою опытностью,

стию и тактомъ, тѣло прислушиваясь и внимательно слѣдя за разработкой народно-школьнаго обученія въ литературѣ и практикѣ, взвѣсивая и обсуждая примѣнимость къ школамъ того или другаго метода и способа преподаванія, Илья Николаевичъ долженъ былъ самъ, такъ сказать, съ самаго основанія строить все школьное обученіе: опредѣлять задачу и цѣль обученія, въ подробностяхъ разработать и установить объемъ и курсъ обученія, распределить его по годамъ обученія, избирать учебники, показать каждому учителю, какъ пользоваться ими, показать на практикѣ, какъ принимать тотъ или другой методъ и пріемъ, и этимъ путемъ создавать самыхъ учителей. Покойный имѣлъ и унесъ съ собою въ могилу отрадное утѣшеніе, что осуществленная имъ система обученія въ школахъ Симбирской губерніи — и въ теоріи, и на практикѣ — строго согласовалась съ религіозно-церковнымъ и народнымъ идеаломъ и не представила случаевъ грустнаго уклоненія отъ него. Все это приходилось ему дѣлать не въ одномъ какомъ-либо пунктѣ, даже не въ одномъ уѣздѣ, а по всей Симбирской губерніи. — И вотъ начинаются памятные въ губерніи неутомимые разъѣзды Ильи Николаевича, продолжающіеся недѣли и мѣсяцы, то съ цѣлю осмотра существующихъ школъ и возможнаго ихъ благоустройства, то съ цѣлю открытія новыхъ; тамъ руководить онъ педагогическими курсами; въ другомъ мѣстѣ наблюдаетъ за постройкой училищнаго зданія; тамъ ходатайствуетъ предъ мѣстными дѣателями о матеріальныхъ средствахъ для училищъ, бесѣдуетъ съ сельскими обществами, располагая ихъ къ училищамъ, и проч. Само собою понятно, что такіе труды Ильи Николаевича были очень успѣшны. Успѣхъ ихъ обусловливался также немало умѣніемъ покойнаго обращаться

съ людьми крайне различныхъ положеній, образованія и сословій, его симпатичной, привлекающею къ себѣ личностью. Онъ прекрасно умѣлъ установить должныя отношенія какъ къ людямъ высокаго, такъ и самаго простаго положенія, и къ многочисленному классу людей, въ различной степени ему подчиненныхъ. Ко всѣмъ послѣднимъ онъ относился съ рѣдкимъ вниманіемъ и участіемъ, никогда никого не подавляя авторитетомъ своего положенія; безъ всякой принужденности умѣлъ одного обласкать, другаго ободрить, иному сдѣлать внушеніе и замѣчаніе, не возбуждая къ себѣ ни малѣйшаго чувства неприязни. Своимъ мягкимъ сердечнымъ отношеніемъ къ подчиненнымъ онъ отнюдь не подавалъ повода послѣднимъ забывать въ немъ начальника, а еще болѣе располагалъ цѣнить и уважать его, и мы, стоя близко къ служебной дѣятельности покойнаго, не знаемъ случая, когда какой-либо подчиненный забылъ границу надлежащихъ къ нему отношеній.

Плодотворная дѣятельность Ильи Николаевича, продолжавшаяся 16 лѣтъ, увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, о которомъ свидѣлствуютъ 434 начальныхъ народныхъ училища съ 20.000 учащихся.

Небогатое здоровье Ильи Николаевича замѣтно пошатнулось въ послѣдніе годы. Обремененный довольно сложными дѣлами дирекціи, требовавшими болѣе пребыванія на мѣстѣ, въ Симбирскѣ, онъ при первой свободѣ отъ канцелярскихъ дѣлъ спѣшилъ къ своимъ любимымъ училищамъ въ города и села. Такъ, чуть не въ послѣдніе дни жизни своей (7—19 декабря) онъ произвелъ ревизію во многихъ школахъ Карсунскаго и Сызранскаго уѣздовъ. Отличаясь строгой служебной исполнительностью, самые послѣдніе дни и часы, уже болѣзненный, на постели, онъ занятъ былъ составле-

ніемъ годового отчета по дирекціи. Все утро 12 января онъ, полулежа, съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ, инспекторовъ, начерталъ послѣдній отчетъ, подводя итогъ неутонченной своей жизненной дѣятельности, поблагодарилъ своего сотрудника, сдѣлалъ письменное распоряженіе о перепискѣ отчета и потребовалъ себѣ отдыха. Это было почти въ три часа по полудни, 12 января. Но увы, покой этотъ былъ вѣчный! Вскорѣ послѣдовали признаки страданій, и Илья Николаевичъ въ 5 часовъ скончался на рукахъ своей горячо любимой супруги. Смерть послѣдовала отъ кровоизліанія въ головной мозгъ, по заключенію врача.

Заслуги Ильи Николаевича оцѣнивало достойнымъ образомъ и начальство, удостоивъ его рѣдкихъ наградъ въ его должности: въ 1877 году онъ Всемилостивѣйше награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 1 января 1882 года награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени, а 1 января 1886 года орденомъ Св. Станислава 1-й степени.

Въ мѣстномъ обществѣ Илья Николаевичъ заслужилъ рѣдкое вниманіе и уваженіе. Вѣсть о его кончинѣ быстро облетѣла городъ и всѣ отдаленные концы Симбирской губерніи. Начиная съ высшаго представителя власти въ губерніи, Господина Губернатора, и представителей всѣхъ отдѣльныхъ учрежденій въ губерніи, всѣ спѣшили въ домъ покойнаго поклониться его праху и помолиться объ упокоеніи души при ежедневно-совершавшихся панихидахъ до дня погребенія. Ко дню же погребенія, 15 января, собрались всѣ ближайшіе его сотрудники, инспектора (изъ Сызрана, Барсуна, Алатыря и Ардатова) оплакать горячо любящаго и уважаемаго ими директора. Лицами же, состоящими на учебной службѣ всѣхъ вѣдомствъ: духовнаго, военнаго и граж-

данскаго, въ Сибирскѣ, смерть Ильи Николаевича была встрѣчена какъ близкая для всѣхъ утрата. Отрадно было видѣть при гробѣ покойнаго это общее выраженіе вниманія и уваженія къ его личности и заслугамъ; это значительно облегчило скорбь близкихъ къ нему по дѣятельности людей о потерѣ такого полезнаго дѣятеля. Но ничѣмъ не утѣрялось грустное чувство при видѣ многочисленной, нѣжно любимой имъ и, въ свою очередь, безгранично любящей его, осиротѣлой семьи. Семья эта состоитъ изъ супруги и шестерыхъ дѣтей: трехъ сыновей и трехъ дочерей. Дѣти находятся еще въ такомъ періодѣ возраста и воспитанія, въ которомъ лишеніе родителя является положительной утратой не только ничѣмъ незамѣнимаго нравственнаго руководителя и покровителя, но и источника матеріальныхъ средствъ. Покойный былъ образцовымъ семьяниномъ, полагавшимъ въ семьѣ всю свою отраду и счастье, и утѣшеніе. Въ свою очередь и семья по своему глубоко-религіозному и высоко-нравственному строю вполне оправдывала нѣжную любовь родителя. Всѣмъ извѣстна въ Сибирскѣ прекрасная семья Ильи Николаевича. Да поможетъ Господь супругѣ его, пользующейся заслуженною извѣстностью образцовой матери и хозяйки, выполнить съ успѣхомъ великое дѣло воспитанія и образованія оставленныхъ на ея попеченіе дѣтей!

Нѣтъ нужды говорить, что этотъ неутомимый труженикъ, не только во своихъ нравственныхъ наклонностяхъ и убѣжденіяхъ, но и по своему положенію своему и крайне скромнымъ, единственно приобрѣтеннымъ службой, средствамъ жизни, не могъ сберечь для семьи никакого денежнаго и матеріальнаго обезпеченія. Выносъ тѣла Ильи Николаевича и погребеніе про-

исходило 15 января. Къ 9 часамъ утра всѣ сослуживцы покойнаго, учащіе и учащіеся въ городскихъ народныхъ училищахъ, г. вице-губернаторъ, директоръ и многіе учителя гимназій, кадетскаго корпуса, духовной семинаріи и всѣ читатели памяти покойнаго (а кто въ Симбирскѣ не зналъ и не уважалъ его) и огромное число народа наполнили домъ и улицу около квартиры покойнаго. Высшія лица Симбирскаго духовенства, во главѣ съ о. ректоромъ духовной семинаріи, совершили краткую литію при гробѣ покойнаго въ квартирѣ, послѣ которой однимъ изъ учителей приходскихъ училищъ г. Симбирска сказано была рѣчь. Затѣмъ началось печальное шествіе. Гробъ съ останками покойнаго былъ принятъ на руки его вторымъ сыномъ, ближайшими сотрудниками и друзьями. Процессія направилась въ приходскую церковь покойнаго, Богоявленскую, очень близкую къ его квартирѣ. Впереди процессіи рѣзко выдавались прекрасные вѣнки, несомые учениками городскихъ училищъ: отъ сослуживцевъ его, отъ Симбирской гимназій, отъ Симбирскаго трехкласснаго городского училища и отъ приходскихъ учителей и учительницъ города Симбирска. Украшавшія ихъ надписи ясно свидѣтельствовали о чувствахъ питаемыхъ въ покойному его почитателями. Таковы: „отъ приходскихъ учителей и учительницъ города Симбирска, пораженныхъ безвременной утратой руководителя и отца;“ „отъ Симбирскаго трехкласснаго городского училища незабвенному начальнику.“ По внесеніи гроба во храмъ, началась Возжественная литургія, которую совершалъ искренный другъ семьи покойнаго, соборный священникъ и преподаватель духовной семинаріи, о. С. С. Медвѣдковъ, въ сослуженіи двухъ священниковъ. Пѣніе на правомъ клиросѣ исполнялось прекраснымъ хоромъ, со-

оставленнымъ изъ учениковъ трехкласснаго городского училища и управляемыхъ г. Маторинымъ, учителемъ пѣнія во всѣхъ городскихъ училищахъ. На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ хоръ учениковъ Симбирской центральной чувашской школы *).

Въ положенномъ мѣстѣ за литургіей сказано было слово приходскимъ священникомъ о. Арсеньевымъ. Погребеніе совершено было многочисленнымъ соборомъ высшаго духовенства въ Симбирскѣ: кафедральнымъ протоіереемъ П. И. Юстиновымъ, ректоромъ духовной семинаріи Н. В. Охотивымъ, городскимъ благочиннымъ и другими священниками, законоучителями городскихъ училищъ. За литургіей и стѣнованіемъ присутствовалъ и Начальникъ Симбирской Губерніи Н. П. Долгосабуровъ. При погребеніи сказано было глубоко-прочувствованное слово о. С. С. Медвѣдковымъ и рѣчь одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго, инспекторомъ А. А. Красевымъ. Эти надгробныя рѣчи въ живыхъ, искреннихъ словахъ обрисовали свѣтлую, честную и благородную личность Ильи Николаевича и его исполненную неутомимыхъ трудовъ жизнь и дѣятельность. Тѣмъ же порядкомъ, по окончаніи стѣнованія, совершено было перенесеніе тѣла на могилу, при Покровскомъ монастырѣ. Все разстояніе отъ церкви до монастыря гробъ съ останками покойнаго несенъ былъ на рукахъ его сослуживцами, учителями и друзьями. Последнее слово, такъ сказать, „последнее прости“ сказано было Ильѣ Николаевичу учителемъ городского трехкласснаго училища М. И. Зыковымъ, предъ опущеніемъ гроба въ могилу.

(*) Покойный принималъ до учрежденія особой должности инспектора чувашскихъ школъ близкое участіе въ судьбахъ этой школы и вообще немало по своему положенію потрудился въ организациі чувашскихъ школъ, число которыхъ довольно значительно въ Симбирской губерніи.

За сию землю скрыла навсегда свѣтлый, добрый, дышащій лаской и любовью ко всѣмъ образъ дорогаго Ильи Николаевича.

Н. Аммосовъ.

Изъ воспоминаній объ И. Н. Ульяновѣ.

12-го числа сего января, Сибирская губернія лишилась одного изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ своихъ дѣятелей, и притомъ дѣятеля на такомъ важномъ поприщѣ, какъ народное образованіе, — директора народныхъ училищъ Ильи Николаевича Ульянова.

Лица, ближе насъ къ нему стоявшія по непосредственному участию вѣстѣ съ нимъ въ веденіи народно-образовательнаго дѣла, конечно, не преминутъ сдѣлать тщательную оцѣнку дѣятельности умершаго на этомъ поприщѣ. Съ своей стороны мы считаемъ своимъ долгомъ изъ глубокаго уваженія къ памяти почившаго засвидѣтельствовать предъ обществомъ о той неусыпной преданности дѣлу народнаго образованія, которая проявлялась и въ его случайныхъ встрѣчахъ, и въ сношеніяхъ съ лицами, съ которыми онъ не связанъ былъ официальными отношеніями, и съ которыми, слѣдовательно, непринужденнѣе и какъ бы естественнѣе высказывалось то, что составляло главный интересъ его жизни.

Ясно воскресаетъ въ моей памяти наше первое знакомство съ умершимъ въ 1872 году, въ вагонѣ желѣзной дороги на пути изъ Нижняго въ Москву. Двухъ-трехъ случайно брошенныхъ словъ въ обращеніи къ нему достаточно было, чтобы видѣть, что это дѣятель по народному образованію, которое тогда вызвало все-

общее живое участіе, — дѣятель не педантъ, трактующій себя полнымъ знатокомъ этого сколько важнаго, столько же и сложнаго дѣла, хотя уже и въ то время онъ не мало надъ нимъ потрудился, а дѣятель, собирающій матеріалъ, необходимый для сообщенія устойчивости этой дѣятельности, ищущій, гдѣ только можно, полезныхъ уроковъ, которые бы сообщили его дѣятельности настоящую силу и практическую примѣнимость; Илья Николаевичъ ѣхалъ тогда на политехническую выставку въ Москвѣ, гдѣ былъ выставленъ богатый отдѣлъ учебно-воспитательныхъ пособій вообще и въ частности по народно-школьному образованію. И сколько разъ не случалось мнѣ самому быть на этой выставкѣ, всякій разъ я его встрѣчалъ въ указанномъ отдѣлѣ, и всякій разъ онъ спѣшилъ подѣлиться, съ такою неподдѣльною задушевностію и простотою, объ усмотрѣнномъ имъ какомъ-либо новомъ пособіи, полезной книжкѣ; о выслушанномъ имъ отъ другихъ лицъ, интересовавшихся этимъ дѣломъ, совѣтѣ, сообщенію о ходѣ народно-учебнаго дѣла. Такъ вотъ и напрашивается онъ на сравненіе съ трудолюбивою пчелою, которая съ такимъ тщаніемъ собираетъ вещество, которымъ воспользуется не столько сама она, сколько другіе, но для которой, тѣмъ не менѣе, вся цѣль жизни заключается въ томъ, чтобы собирать это вещество. Все собранное во время посѣщенія этой выставки Ильей Николаевичемъ до мелочей было сообщаемо его сотрудникамъ по народному образованію во время происходившихъ тогда учительскихъ сѣздовъ, о чемъ, надѣясь, не преминуть засвидѣтельствовать участники этихъ сѣздовъ. А что такіе результаты этой посѣдки были такъ близки душѣ покойнаго, на это указываетъ его постоянное воспоминаніе о ней послѣ, почти при всякой

встрѣчѣ со мною. Въ его душѣ, значить, глубоко западало то, что давало большее уваженіе и оживленіе тому дѣлу, которому онъ служилъ.

Точно также мы считали бы себя неисполнившими своего долга предъ почившимъ, если бы не сообщили во всеобщее свѣдѣніе и еще о проявленіи дѣятельности его, такъ ясно свидѣтельствующимъ о преданности его своему дѣлу и желаніи, чѣмъ бы то ни было, помочь нашимъ темнымъ народнымъ массамъ, не только гдѣ нибудь въ захолустьяхъ, а даже въ городахъ, выдти на свѣтъ Божій умственно и нравственно, и какъ глубоко скорбѣлъ онъ, когда его благородныя стремленія въ этомъ отношеніи встрѣчали грубое сопротивленіе со стороны косности этихъ массъ!

Принявъ участіе совмѣстно съ директоромъ военной гимназіи, нынѣ кадетскаго корпуса, при содѣйствіи городского управленія, въ устройствѣ народныхъ чтеній, сколько помнится, въ 1875—78 годахъ, И. Н. съ самымъ живымъ интересомъ слѣдилъ за ихъ успѣхомъ, аккуратнѣйшимъ образомъ являясь самъ на каждое чтеніе, внимательно слѣдя за количествомъ и состояніемъ лицъ, являвшихся на эти чтенія. И съ какою грустью смотрѣлъ онъ на то, что наша масса только сначала, какъ къ новинкѣ, отвеслась къ этимъ чтеніямъ съ нѣкоторымъ интересомъ, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, стала протѣивать ихъ на балаганы и трактиры.

Глубоко убѣждены, что настанетъ когда нибудь время обратнаго отношенія къ этому средству умственнаго и нравственнаго развитія народныхъ массъ; тогда, конечно, вспомнится и имя Ильи Николаевича снова добрымъ словомъ. Но думаемъ, что и теперь, у его свѣжей могилы, не излишне указать на его отношеніе къ

этому предпріятію, свидѣтельствующее о томъ, что онъ, какъ руководитель народно-воспитательнаго дѣла, не упускалъ изъ вида ни одного средства, которое могло бы ему дать болѣе сильное движеніе и оживленіе этому дѣлу. И уже не его вина, что его стремленія не всегда увѣнчивались должнымъ успѣхомъ. — Миръ праху твоему честнѣйшій труженникъ!

А. Покровский.

(Перепечатано изъ № 7 и 8 Симб. губ. вѣдом. 1886 г.).

Печатано въ губернской типографіи.